

И.А. Карышев

Состав человеческого существа

Жизнь и смерть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.А. Карышев**
Состав человеческого существа: Жизнь и смерть / И.А. Карышев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 254 с.

ISBN 978-5-458-32587-5

Темы, затрагиваемые во второй книге: Отвлеченный элемент человека, Явления из загробной жизни, Душа материалистов и позитивистов, Душа спиритуалистов, Три элемента человеческого существа, Поиски четвертого элемента, Учение физики о материи, Полуэфирная оболочка, Жизнь и смерть человека.

ISBN 978-5-458-32587-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

себѣ правильнаго отчета въ ощущаемыхъ и сознаваемыхъ ими впечатлѣніяхъ и положительно люди не въ состояніи анализировать себя безпристрастно.

Это непониманіе себя замѣчается не въ одномъ вопросѣ о бытіи или небытіи за гробомъ, но и во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ сталкивается отвлеченный элементъ человѣка съ матеріальнымъ.

Замѣтите, на примѣръ, что въ большинствѣ случаевъ всѣ люди, какъ тѣ, которые вѣруютъ въ загробное существованіе и безсмертіе души, такъ и призваніе небытіе за гробомъ, — всегда весьма смутно выясняютъ себѣ вопросъ о томъ, къ чему должны они относить сознание своего „я“ — къ душѣ или къ тѣлу?

Люди, признающіе небытіе, не допускающіе никакого отвлеченнаго элемента ни въ мірѣ, ни въ строеніи человѣческаго существа, слѣдуя логическимъ путемъ мышленія отъ невѣрно принятыхъ ими исходныхъ точекъ, должны неминуемо относить сознание своего „я“ всецѣло къ своему тѣлу; но у нихъ остается невыясненнымъ: откуда берется само сознание? Они считаютъ, что чувства передаются нервами, разумъ, и мысль есть отправленіе мозга, однимъ словомъ—всякое проявленіе человѣческихъ способностей имѣетъ въ тѣлѣ человѣка свой спеціальнй органъ; но сознание—имѣетъ ли оно свой спеціальнй органъ въ человѣческомъ организмѣ, черезъ который оно могло бы свободно проявляться? При полномъ желаніи матеріалистовъ отыскать такой органъ въ тѣлѣ человѣка, это имъ никогда не удавалось, а потому у нихъ вопросъ о томъ, что такое сознание, гдѣ его резиденція, какъ проявляется оно, остается постоянно открытымъ.

Люди, признающіе въ себѣ душу, должны были бы относить всецѣло къ ней все сознание своего „я“. Они признаютъ, что когда ихъ „я“ покинетъ тѣло, то тѣло превращается въ трупъ, а ихъ „я“, не измѣненное этой метаморфозой, въ полномъ своемъ составѣ дѣлается свободнымъ. Анализируя это свое допущеніе, они должны безспорно признать независимое положеніе жизни души отъ жизни тѣла и, наоборотъ, жизни тѣла отъ жизни души, ибо оба эти элемента имѣютъ совершенно разную природу: душа есть отвлеченность, это—духъ, не умѣющій ничего матеріальнаго; тѣло же наше есть вещество, не имѣющее ничего духовнаго, и потому и отправленіе одного изъ этихъ элементовъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть смѣшиваемо съ отправленіями другаго. Матерія можетъ производить только матерію, но ничего духовнаго; сознание же нашего „я“ не имѣетъ ничего матеріальнаго, а потому оно

не можетъ быть жизненнымъ продуктомъ вещества и, ясно, должно быть сопричисленно къ отправленіямъ нашей души. На этомъ логическомъ и вѣрномъ выводѣ слѣдовало бы остановиться и принять его за безошибочный исходный пунктъ логическаго мышленія. Но слишкомъ определенное ощущеніе тѣла во всѣхъ проявленіяхъ нашей органической жизни и та первенствующая роль, которая выпадаетъ на его долю во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, какъ бы протестуютъ противъ выводовъ разума и заставляютъ насъ совершенно произвольно полагать, что отчасти или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ не можетъ наше „я“ не относиться къ нашему тѣлу.

Для людей же, которые предполагаютъ, что ихъ „я“ иногда относится къ душѣ, а иногда къ тѣлу, вопросъ объ отношеніяхъ тѣла къ душѣ и о распредѣленіяхъ жизненныхъ функций между ними чрезвычайно усложненъ, и это обстоятельство не можетъ не породить множества неясностей въ представленіяхъ ихъ собственнаго внутренняго міра. Они невольно спрашиваютъ себя: какія ощущенія и жизненныя проявленія должно относить къ тѣлу и какія къ душѣ? Гдѣ кончаются функции тѣла и гдѣ начинаются функции души, т. е. какая грань раздѣляетъ ихъ? Что играетъ главную роль въ жизни человѣка на землѣ—душа или тѣло? И какъ слѣдствіе этихъ вопросовъ, касающихся прямо природы ихъ существа или организациі. являются другіе, затрогивающіе форму и образъ ихъ жизни на землѣ, и они опять въ недоумѣніи спрашиваютъ себя: что же надо больше культивировать въ себѣ—тѣло или душу? Подчинять ли душу требованіямъ тѣла, или, наоборотъ тѣло—требованіямъ души? Слѣдовать ли нѣкоторымъ аскетическимъ вѣроученіямъ, требующимъ, путемъ изнуренія своего тѣла, вызывать его подчиненіе душѣ, или, слѣдуя древнимъ философамъ, воспитывать и беречь тѣло, такъ какъ будто бы въ здоровомъ тѣлѣ должна быть здоровая душа?

Вообще говоря, ни одна наука не дается человѣку съ такимъ трудомъ, какъ наука о самомъ себѣ и ничто не кажется ему такъ загадочнымъ, какъ онъ самъ.

Не слѣдуетъ, однако, удивляться, что человѣкъ, живя на землѣ въ своемъ грубомъ и вещественномъ тѣлѣ, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ природѣ своихъ ощущеній и проявленій жизненной дѣятельности. Они дѣйствительно, чрезвычайно сложны и разнохарактерны, а способности человѣка слишкомъ ограничены и вполне недостаточны, чтобы помочь ему изучить самого себя; кромѣ того, человѣкъ самъ не сознаетъ съ одинаковой отчетливостью всѣхъ впечатлѣній, ощущеній, отправленій и потребностей своего существа. Сознаніе ощущеній болѣе

сильныхъ и интензивныхъ всегда затемнять, а иногда совсѣмъ ступшевываетъ сознание ощущеній болѣе слабыхъ. Въ большинствѣ случаевъ сознание своей органической жизни тѣла и дѣятельность разума, направленная къ удовлетворенію житейскихъ потребностей и заботъ, проявляютъ наибольшую силу и давленіе на его существо, что всегда ослабляетъ, а иногда и совсѣмъ уничтожаетъ все сознание его внутренней духовной жизни. Чѣмъ сильнѣе проявляются и напрягаются человѣкомъ жизненные или органическія силы, чѣмъ болѣе онъ озабоченъ житейскими нуждами или матеріальнымъ своимъ обезпеченіемъ, чѣмъ сильнѣе напрягаетъ онъ свой разумъ для разрѣшенія вопросовъ своего земнаго благосостоянія и своего личнаго до-вольства, тѣмъ болѣе затемняется въ немъ сознание отвлеченнаго духовнаго міра, какъ того, который находится въ немъ самомъ, такъ и того, который проникаетъ всю вселенную и служить основной всего существующаго въ природѣ.

Это совершенно такъ же, какъ свѣтъ солнца днемъ скрываетъ отъ нашего взора свѣтъ луны и звѣздъ; но стоитъ солнцу вечеромъ начать уменьшать силу своего свѣта, и мало-по-малу станутъ появляться на небѣ звѣзды одна за другой, пока не загорится все небо. Свѣтъ звѣздъ, на темномъ небосклонѣ, непохожъ на солнечный свѣтъ, онъ имѣетъ совершенно другой видъ и свойства; однако, обратите вниманіе, какъ ярко онѣ для насъ горятъ въ темную ночь; какъ отчетливо мы видимъ каждую порознь и каждую съ самостоятельнымъ цвѣтомъ, а вѣдь днемъ онѣ совершенно не были намъ видны.

Человѣку, желающему увидать свой внутренній и духовный міръ сіяющимъ и блестящимъ и посредствомъ этого убѣдиться, что, кромѣ видимыхъ жизненныхъ потребностей и органическихъ отправленій, въ немъ есть нѣчто другое, невидимое, высшее, болѣе чистое и святое—нельзя посоветовать производить изслѣдованія себя въ то время, когда органическая и жизненная дѣятельность находится въ полномъ разгарѣ и напряженіи, или когда дѣятельность разума поглотила все его существо житейскими или научными заботами.

Не время начинать въ себѣ поиски своего духовнаго элемента за какимъ-нибудь лукулловскимъ обѣдомъ при многочисленномъ обществѣ, разгоряченномъ виномъ и праздными рѣчами, или во время ученыхъ диспутовъ, или въ разгарѣ бала, или медоваго мѣсяца. На все долженъ человѣкъ отводить особое время, и тѣмъ болѣе это мудрое правило должно относиться къ проявленію въ человѣкѣ духовной стороны его существа, требующей извѣстной подготовки и исполненія нѣкоторыхъ

условій, касающихся обѣихъ природъ, заключающихся въ человѣкѣ, какъ отвлеченной, такъ и матеріальной.

Для анализа духовнаго своего элемента лучшее время наступаетъ тогда, когда дѣятельность нашихъ умственныхъ и органическихъ силъ нѣсколько понижена; когда солнце нашей ежедневной жизни умѣряетъ силу своихъ лучей, а это случается часто:

1) Всякій день вечеромъ, когда жизненные силы истощены, разумъ усталъ отъ дневной работы, и человѣкъ чувствуетъ потребность отдохнуть, сосредоточиться, свести итоги дня и обратиться новыхъ духовныхъ и физическихъ силъ для дальнѣйшей работы.

2) Во время болѣзней наиболѣе ясныя ощущенія внутренней жизни получаетъ всякій, какъ слѣдствіе сильныхъ и продолжительныхъ страданій.

3) Подъ старость, когда весь организмъ расшатанъ и отказывается служить, но душа бодра, крѣпка и мысли свѣжи.

4) При сильныхъ житейскихъ неудачахъ и постигшихъ человѣка несчастіяхъ, когда, послѣ чрезмѣрной напряженности умственныхъ силъ, является безнадежное состояніе апатіи, при которомъ разумъ ослабѣваетъ и начинаетъ сознавать свое безсиліе.

5) Лучше всего предъявляетъ наша внутренняя природа свои права у одра умирающаго близкаго намъ человѣка, или при сознаніи своей собственной близкой смерти. Въ эти минуты, когда передъ нашими глазами совершается страшное таинство смерти, мы всецѣло поглощаемся могущественнымъ вліяніемъ, производимымъ имъ, какъ на самого умирающаго, такъ и на всѣхъ присутствующихъ, окружающихъ его лицъ. Это впечатлѣніе ступшевываетъ и затѣмняетъ всѣ остальные, какъ житейскія, такъ и органическія, и нашъ духовный элементъ блеститъ передъ нами, какъ яркая звѣздочка на темномъ небосклонѣ, такъ свѣтло и опредѣленно, что исчезаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что не послѣдуетъ наше „я“ за тѣмъ бреннымъ останкомъ который сдѣлается скоро достояніемъ земли.

Но приобрѣтаемая опытомъ жизни увѣренность въ духовную жизнь принимается разными лицами совершенно разнo, а именно:

1) Если люди, которые прямо избѣгаютъ анализа своего внутренняго духовнаго міра и вообще всѣхъ разговоровъ и напоминаній о смерти. На нихъ нападаетъ какой-то безотчетный паническій страхъ и какой-то трепеть, какъ передъ чѣмъ-нибудь необъятнымъ, сверхъестественнымъ, противнымъ природѣ ихъ существа. Одни сравниваютъ это чувство съ чув-

ствомъ безотраднѣй и безысходнѣй пустоты; другіе—съ ощущеніемъ, когда человѣкъ теряетъ почву подъ ногами; третьи говорятъ, что это чувство похоже на головокруженіе или обморокъ, при которомъ человѣкъ не теряетъ полнаго сознанія, но всѣ ощущенія переходятъ въ тяжелый и удручающій кошмаръ, при которомъ человѣкъ представляетъ себя летящимъ внизъ въ безпредѣльную бездну. Всѣ эти ощущенія, конечно, нестерпимы уже сами по себѣ, но, кромѣ того, они доводятъ человѣка до такого состоянія или настроенія, при которомъ онъ не можетъ заниматься житейскими дѣлами. Поэтому люди эти всѣми силами отгоняютъ отъ себя всякое воспоминаніе о смерти, стараются развлекаться или еще съ большею ревностью погрузиться въ водоворотъ обыденной жизненной дѣятельности. Но благоразумно ли они поступаютъ? Если одно воспоминаніе о смерти уже леденитъ человѣка до мозга костей, то какова же будетъ дѣйствительность; вѣдь смерти они избѣгнуть не могутъ, что же будетъ тогда? Какую будущность они сами себѣ готовятъ? Всякій маломальски практически развитой умъ, сопоставляя условія своихъ личныхъ выгодъ и невыгодъ настоящихъ въ связи съ будущими, пойметъ, что сойти за гробъ человѣку, къ тому не подготовленному, не можетъ составить разсчета, ибо жертвовать безконечной жизнью для временной безразсудно. Убийственнѣе всего, когда эта особенность характера встрѣчается между вѣрующими людьми и исповѣдующими свою религію. Эти люди должны считать себя въ высшей степени несчастными.

2) Безспорно, что значительное большинство вѣритъ въ Бога и въ загробную жизнь. Исповѣдая религію, люди начинаютъ ощущать въ себѣ свой духовный элементъ. Многіе изъ нихъ доходятъ до возможности вызывать совершенно опредѣленные сознанія или ощущенія своей души, и тогда они начинаютъ чувствовать не только потребность, но и высшее ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, удовольствіе въ молитвенной сосредоточенности, т. е. они приобрѣтаютъ способность временно понижать требованія своей организаци и уходить своими ощущеніями вглубь своей собственной души; черезъ это они приближаются, а нѣкоторые даже сливаются съ Душей Міра, Богомъ. Въ эти минуты они переживаютъ разныя сверхчувственныя ощущенія, входятъ до нѣкоторой степени въ состояніе экстаза и, вообще говоря, переживаютъ то, что для людей, не обладающихъ столь сильной способностью молиться, остается совершенно непостижимо, непонятно и даже невѣроятно.

Въ эти минуты душевной сосредоточенности матеріальное тѣло, конечно, всецѣло подчиняется требованіямъ духовнаго

элемента человеческого тѣла, такъ какъ сознание души сильнѣе, чѣмъ сознание органической жизни тѣла, которое въ большинствѣ случаевъ у лицъ, достигшихъ столь высокаго духовнаго развитія, не избаловано и привыкло подчиняться требованіямъ ихъ воли.

Вообще, надо замѣтить, что тотъ, кто способенъ хотя въ малой степени ощущать въ себѣ высшій элементъ своего существа, тотъ, кто способенъ вѣрить свидѣтельству своихъ внутреннихъ чувствъ больше, чѣмъ выводамъ разума,—тотъ приобретаетъ извѣстное равновѣсіе внутреннихъ душевныхъ чувствъ съ чувствами своего матеріальнаго тѣла, при которомъ первыя имѣютъ всегда господствующее значеніе, отчего заботы о душѣ отодвигаютъ далеко на второй планъ всѣ заботы о тѣлѣ. Слѣдствіемъ такого отношенія въ жизни является то, что человѣкъ дѣлается болѣе устойчивъ для переживанія всѣхъ жизненныхъ трудностей, превратностей и разныхъ невзгодъ, черезъ что упрощаетъ и облегчаетъ самъ себѣ свое существованіе на землѣ. Поэтъ сказалъ о такихъ людяхъ: „Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ жить“, и дѣйствительно, кто проникся идеей, что истинная жизнь его есть загробная, безконечная, блаженная, что земная есть только подготовительная, временная школа для этой безконечной жизни, что переживаетъ онъ эту трудную и временную подготовку—для безконечнаго блаженства,—того и печали земныя не могутъ печалить, а радовать могутъ только тѣ радости, которыя имѣютъ безконечное значеніе.

3) Третью категорію людей создалъ нашъ вѣкъ господства классическаго ума и практическаго разсчета. Въ предъидущемъ вѣкѣ вся эта категорія людей просто объявила бы себя атеистами, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ средній уровень нравственнаго развитія общества, и cadaго изъ нихъ, заставляетъ ихъ чувствовать и отчетливо сознавать, что есть „*ничто*“ духовное, какъ въ мірѣ, такъ и въ нихъ самихъ, но чего они никакъ уловить не могутъ. Это „*ничто*“ ускользаетъ отъ ихъ пониманія сущности фактовъ и явленій природы. Они никакъ не могутъ допустить, что препятствіе къ ясному сознанию этого „*ничто*“ заключается въ ихъ собственномъ міровоззрѣніи и въ ихъ собственномъ существѣ, а не въ природѣ этого самаго „*ничто*“, которое понимается другими весьма легко. Все дѣло въ томъ, что дѣятельность ихъ органической жизни, ума или практическаго разсчета находится всегда въ усиленномъ напряженномъ состояніи, какъ крѣпко натянутыя струны, и ослабить эту дѣятельность они не считаютъ для себя возможнымъ, не производя непріятной для нихъ переменъ въ привычномъ об-

разѣ жизни и мысли. Они, такъ сказать, охвачены жизненнымъ вихремъ и несутся въ одномъ направленіи безъ оглядки и рѣшительно не стараясь предугадывать настоящую сущность своей жизни, они вполне довольны своимъ образомъ жизни и временными, избранными ими близкими цѣлями ихъ жизни. Одни не находятъ достаточной причины идти противъ требованій ихъ избалованной и извращенной организаціи, а потому потакаютъ всѣмъ прихотямъ своего тѣла и исключительно заняты удовлетвореніемъ своихъ страстей, капризовъ и т. д.; другіе находятъ, что любовь, милосердіе, уступчивость, доброта, могутъ только разстроить ихъ благосостояніе и накопленное богатство, а потому усиленно и съ полной ревностью направляютъ дѣятельность своего разсудка исключительно на имѣнія, банковскія дѣла, игру на биржѣ, на свою службу, интриги, карьеру и т. д. Третьи, получивъ съ молодую классическое образованіе, развивали исключительно свою память и умъ въ ущербъ своимъ духовнымъ познаніямъ природы и приобрѣли позитивную мысль, отъ которой не могутъ отдѣлаться до самой старости; они рѣшительно не находятъ нужнымъ измѣнять свой привычный взглядъ на природу и ея явленія. Они остаются удовлетворенными привычнымъ для нихъ позитивнымъ способомъ изученія матеріальнаго міра и, не зная другаго, желаютъ тотъ же способъ примѣнить для изученія отвлеченныхъ и духовныхъ областей вселенной, что, конечно, имъ не удастся, ибо природа духа не имѣетъ ничего общаго съ природой вещества и матеріи. Они рѣшительно неудомѣваютъ, какъ согласить свои привычные взгляды на міръ съ тѣмъ сознаниемъ отвлеченнаго и духовнаго, которое, хотя весьма слабо, но все-таки чувствуютъ въ себѣ изрѣдка.

Изученіе существа человѣка вообще чрезвычайно трудно. Изъ всѣхъ организмовъ, существующихъ на землѣ, самый совершенный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый сложный есть организмъ человѣка. Онъ единственный, который заключаетъ въ себѣ отвлеченное начало, проявляющееся съ такой силой и опредѣленностью въ каждомъ отправленіи его матеріальной организаціи; несмотря на это, однако, на изученіе здороваго организма человѣка потрачено учеными менѣе труда, чѣмъ на изученіе остальныхъ менѣе сложныхъ организмовъ, и многое, что мы знаемъ о человѣкѣ, выведено по аналогіи, переходя отъ тѣла животныхъ, на которыхъ изучались эти факты или явленія. Многіе явленія и факты изъ жизни человѣческой организаціи, которыхъ у животныхъ нѣтъ, или тѣ, которые находятся у нихъ въ зачаточномъ состояніи, а потому наукой неуловимы,—совсѣмъ на человѣкѣ не изучались.

Стоить только человѣку задуматься надъ своимъ существомъ и захотѣть *разумно выяснитъ себѣ „себя самого“* хотя бы примѣрно, хотя бы въ общихъ чертахъ, чтобы сразу попасть въ дремучій лѣсъ неразвѣданной еще наукой области догадокъ, ни на чемъ ровно неоснованныхъ представлений, недоведенныхъ до конца теорій, рѣшительно неотвѣчающихъ ни на одинъ интересующій человѣка вопросъ, касающійся его сущности. Вообще, можно сказать, что наука о человѣкѣ находится еще въ самой примитивной фазѣ, и приходится только удивляться, отчего до сихъ поръ среди наукъ нѣтъ спеціального мѣста этой самой главной наукѣ—наукѣ о самомъ человѣкѣ. Никто не можетъ отрицать, что эта наука была бы самая полезная и самая существенная изъ всѣхъ остальныхъ наукъ, ибо она прямо создала бы разумныя и логичныя отношенія человѣка къ своему внутреннему, духовному существу, а слѣдовательно больше всего способствовала бы нравственному пониманію природы и ея явленій. Этой наукѣ открылось бы обширнѣйшее поле дѣйствій въ совершенно дѣвственной области знаній еще не затронутой нашимъ позитивизмомъ эта новая наука весьма скоро показала бы человѣку его душу, разъяснила бы ему весь составъ его существа и всѣ условія его жизни на землѣ. Кромѣ физическихъ и органическихъ проявленій животнаго организма, она подробно изучила бы всѣ сверхчувственные проявленія души, какъ въ организмѣ, живущемъ полной силой своей органической дѣятельности, такъ и въ умирающемъ и уже умершемъ.

При этой наукѣ человѣку, мало духовно-развитому, не пришлось бы заниматься самому сизифовой работой отыскиванія въ себѣ изрѣдка и весьма слабо проявляющихся микроскопическихъ проблесковъ души, ибо эта наука собрала бы и разслѣдовала множество фактовъ, сверхчувственныхъ состояній и ощущеній у людей въ тѣхъ случаяхъ, когда они проявлялись съ извѣстной силой.

Подобныхъ фактовъ несмѣтное количество, и всѣ они пропадаютъ въ настоящее время, не принося пользы всему человечеству, а только отдѣльнымъ личностямъ, которымъ они извѣстны, такъ какъ двери науки для нихъ заперты, не взирая на то существенное значеніе и на тѣ неизгладимые слѣды, которые они оставляютъ въ жизни cadaго, видѣвшаго или переиспытавшаго ихъ человѣка. Насколько многочисленны проявленія сверхчувственныхъ состояній между людьми, явленія призраковъ изъ загробной жизни и всѣхъ подобнаго рода фактовъ, можно судить изъ слѣдующаго. Лондонское психическое общество сдѣлало вызовъ черезъ журналы и газеты, приглашая желающихъ сообщить ему болѣе или менѣе доказатель-

ные факты явленій живымъ людямъ призраковъ людей умершихъ въ моментъ ихъ смерти. Несмотря на то, что менѣе одной десятой всѣхъ существующихъ газетъ и журналовъ помѣстили этотъ вызовъ и что сообщался только одинъ видъ изъ всѣхъ явленій подобнаго рода, однако лондонское психическое общество было положительно завалено подобнаго рода сообщеніями. Оно получило ихъ болѣе ста тысячъ штукъ изъ всѣхъ положительно странъ свѣта. По порученію психическаго общества наиболѣе доказательныя изъ этихъ сообщеній, подтвержденныя нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, были изданы профессорами Э. Гернеемъ и Ф. Мейерсомъ въ книгѣ, въ которой 1416 страницъ очень убористаго шрифта, подъ заглавіемъ „Фантасмы живыхъ“. Этотъ трудъ далеко не единственный въ своемъ родѣ; напротивъ, въ настоящее время литература изобилуетъ подобными произведеніями. Книги спиритическаго, теософскаго и вообще мистическаго содержанія появляются сотнями, и, наконецъ, до двухъ сотъ журналовъ и газетъ обогащаютъ ежедневно подобнаго рода литературу огромнымъ количествомъ новыхъ фактовъ чудеснаго и загадочнаго характера.

Если бы мы предположили даже, что извѣстное количество изъ нихъ могло бы быть причислено къ области выдумокъ, или игрѣ праздной фантазіи, или, наконецъ, къ области аффекта и болѣзненно-разстроеннаго воображенія, то все же мы ни въ какомъ случаѣ не имѣли бы права сказать того же о всѣхъ подобнаго рода сообщеніяхъ, ибо хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ должна же быть доля правды; а если есть хотя малѣйшая доля правды во всѣхъ подобнаго рода сообщеніяхъ, то прямая обязанность науки состоитъ въ томъ, чтобы разслѣдовать и изучить ихъ, ибо во всѣхъ этихъ явленіяхъ таится главная суть нашей внутренней, душевной жизни, проявляющаяся съ извѣстной отчетливостью, въ которой мы и должны искать всю разгадку нашего бытія.

Что не вся литература сверхчувственныхъ явленій и фактовъ составляетъ бредъ, химеру или выдумку, свидѣтельствуется лучше всего то обстоятельство, что многіе позитивисты и материалисты, т. е. люди, принадлежащіе къ лагерю самой крайней оппозиціи, высказывались во многихъ случаяхъ въ пользу достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Для примѣра укажемъ на Вильямса Карпентейра, А. Доссъэ, Эдуарда Гартмана Дю-Буа-Реймона, и на Вильгельма Вундта. Всѣ они признали неоспоримое существованіе непонятныхъ и загадочныхъ фактовъ въ природѣ и въ человѣкѣ; но рамки ихъ позитивныхъ міровоззрѣній и знаній не допускали ихъ доводить изученія этихъ явленій до причины и сущности. Не додумываясь же до конца,

останавливая свою мысль на полъ-пути изслѣдованій, и объясненія ихъ получались недостаточно глубоки и неудовлетворительны. Такъ, одни изъ нихъ причисляютъ эти явленія къ рубрикѣ галлюцинацій, т. е. къ области болѣзненно-разстроеннаго воображенія; другіе объясняютъ ихъ дѣйствіемъ нервныхъ жидкостей; третьи называютъ ихъ слѣдствіями психическихъ силъ, заключающихся въ человѣкѣ. До нѣкоторой степени они, конечно, всѣ правы, ибо при видѣ всѣхъ этихъ явленій у каждаго человѣка до нѣкоторой степени и воображеніе ненормально, и нервы напряжены, и психическія силы работаютъ болѣе усилено, чѣмъ въ обыкновенное время. Но нельзя не замѣтить опять все тѣ же недостатки, все то же недомысліе, которые мы всегда встрѣчаемъ во всѣхъ позитивныхъ и матеріалистическихъ объясненіяхъ фактовъ и явленій.

Всѣ эти объясненія слишкомъ поверхностны и недостаточны для умовъ, желающихъ изучать природу болѣе опредѣленно и отчетливо. Ни позитивисты, ни матеріалисты рѣшительно не объясняютъ по существу, что такое именно эта ихъ галлюцинація? Отчего она является? Какая природа этой болѣзни? И чѣмъ доказывается, что это—болѣзнь? Можетъ быть, это и есть самое нормальное состояніе человѣка, когда онъ дѣлается способенъ видѣть вещь въ „самой себѣ“? Вѣдь подобное доказательство было бы крайне необходимо. Можетъ быть, это—лишняя и новая способность въ человѣкѣ видѣть загробный міръ; можетъ быть, это проявленіе новаго шестаго чувства, которымъ владѣютъ не всѣ люди. Намъ эти объясненія кажутся логичнѣе, чѣмъ объясненія галлюцинацій болѣзнию. Разсудить, кто правъ, —должна была бы наука, изучивъ этотъ вопросъ.

Тоже самое, говоря о нервныхъ жидкостяхъ и о психизмѣ, развѣ позитивизмъ объясняетъ природу этихъ вещей? Развѣ мы можемъ составить себѣ понятіе, по ихъ объясненіямъ, какъ они дѣйствуютъ? Какъ, напримѣръ, нервныя жидкости выходятъ изъ человѣка, собираются гдѣ-нибудь въ уголку комнаты и образуютъ тамъ другаго человѣка? Положимъ, что такое загадочное, невѣроятное явленіе и происходитъ въ дѣйствительности, но вѣдь надо же объяснить, какъ это все происходитъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и, наконецъ, доказать, что это дѣйствительно все такъ, а не иначе.

Всякій, видѣвшій или переиспытывавшій какое-либо сверхчувственное настроеніе или состояніе, или видѣвшій видѣнія изъ загробной жизни, будетъ вполне несогласенъ съ позитивными объясненіями этихъ состояній и никогда не признаетъ себя больнымъ. Всѣ эти лица въ большинствѣ случаевъ были